
Расписание,
или
Смерть в спальном вагоне
Уютный детектив
СЕВЕРНАЯ СТРЕЛА
Северная стрела
РАСПИСАНИЕ
Серия «Красный карандаш»
книга 22

Милана Панова

Расписание, или Смерть в спальном вагоне

«Автор»
2026

Панова М.

Расписание, или Смерть в спальном вагоне / М. Панова — «Автор», 2026

Медовый месяц корректора Нины Платоновой и капитана Андрея Громова начинается с подарка издателя: билеты на старинный поезд «Северная стрела». В конверте лежит записка красным карандашом знакомым почерком: «Не садитесь в этот поезд». Нина всё равно садится. В вагоне двенадцать пассажиров, среди них профессор-лексикограф, писательница, ресторатор, антиквар и фокусник. Вечером антиквар представляет неизвестное письмо Пушкина, а утром, когда поезд встал в заснеженном поле, профессора находят мёртвым в запертом купе. Рядом лежит салфетка с надписью «МІРЪ МИРЪ». Связи нет, до станции сорок километров, а убийца ужинал за соседним столиком. Читать можно отдельно от предыдущих частей.

© Панова М., 2026
© Автор, 2026

Милана Панова
Расписание, или Смерть в спальном вагоне

Расписание, или Смерть в спальном вагоне
Серия «Красный карандаш», книга 22

Глава 1. Билеты

Если вам на красном карандаше пришло предупреждение, что не стоит садиться в поезд, разумный человек не садится в поезд. Это известно всем разумным людям. К сожалению, к двадцать шестому декабря я уже не числилась среди них, и муж мой, капитан полиции, тоже.

— Я ещё раз перечитал, — сказал Андрей вечером двадцать пятого, сидя на краю дивана с карточкой в руке. — «Нина. Не садитесь в этот поезд. Тот, кто купил билеты, — не Дымова».

— Ты читал это девять раз.

— Я читаю, чтобы найти ошибку.

— Это моя профессия.

— Я осваиваю смежную.

Он отложил карточку и посмотрел на меня. На диване между нами лежал кот Эклер, вытянувшись во всю длину и изображая крепко спящее существо, не имеющее никакого отношения к предупреждениям и поездам.

— Ты ей звонила?

— Утром. Звонила Маргарите Викторовне.

— И что?

— Она не покупала билеты.

Андрей поднял бровь.

— Как это — не покупала?

— Ей их прислали. — Я забрала карточку и снова развернула. — Есть такой проект: «Литературный вагон». Два раза в год по северной ветке ходит старинный поезд «Северная стрела». В нём возят писателей, издателей и тех, кто их любит. Маргарите Викторовне, как главе издательства, организаторы прислали два билета в подарок. Она не могла поехать. Она очень занята, Андрей, ты же знаешь. И решила подарить нам. Вчера она сказала, что выбрала поезд сама, но хотела, чтобы подарок выглядел личным. Она позвонила в агентство и переписала билеты на наши фамилии.

— То есть организаторы знали наши имена.

— Знали за два дня.

— Значит, записку мог написать кто угодно в агентстве.

— Мог. — Я замолчала. — Но это не обычный почерк.

Я протянула ему карточку ближе к лампе. Красные буквы, твёрдые, чуть наклонённые влево, с характерной петлёй на «д» и длинным росчерком на «т». Я видела этот почерк на письмах, которые лежали в сейфе у Дымовой. На приглашении, которое летом получил Андрей. На конверте, переданном нотариусом Шаталовым.

— Это почерк Виктора Лаврова, — сказал Андрей.

— Да.

— Он умер.

— Да.

— Ты показывала Маргарите Викторовне?

— Потом заехала к ней. Она побледнела так, что я испугалась. Сказала: «Это его рука. Но этого не может быть». Потом сходила в кабинет, достала письмо, которое Виктор оставил ей шесть месяцев назад. Положила рядом. Мы вместе смотрели минут десять.

— Похожи?

— До последней запятой. — Я вздохнула. — Но я не уверена.

— Почему?

— Потому что слишком уж похожи. Люди не пишут одинаково дважды. Даже один человек не пишет одинаково дважды. Когда я смотрю на настоящий почерк, я вижу движение. Усталость руки, торопливость, нажим. А здесь всё идеально. Каждая буква правильная.

— Подделка?

— Возможно.

— Тогда нужно предупредить Румянцева. Или Серёгу. Или…

— Андрей. — Я положила руку ему на запястье. — Мы едем.

Он помолчал.

— Знаю.

— Ты не споришь?

— Я знаю, как это бывает. — Он улыбнулся уголками губ. — Если не поедем, ты всю неделю просидишь над этим листком. Потом позвонишь Серёге. Потом придумаешь, что нас спас кот. Потом придётся ехать всё равно, но уже без отпуска.

— Ты меня знаешь.

— Я же сказал: осваиваю смежную профессию.

Эклер приоткрыл один глаз, посмотрел на нас с мягким презрением и перевернулся на другой бок.

Утром двадцать шестого декабря мы приехали на вокзал за час до отправления. Был тот ясный, сухой, морозный день, какие бывают только в конце декабря: небо высокое, с тонкими белыми полосками облаков, воздух пахнет снегом и углём, а стёкла вагонов блестят так, будто их вымыли к празднику. На перроне стояли чемоданы, люди в шубах, носильщики с тележками. Я прижимала к груди переноску, в которой возмущённо ворочался Эклер, получивший от Маргариты Викторовны специальное разрешение на проезд.

— Он будет вести себя прилично? — спросил Андрей.

— Он всегда ведёт себя прилично.

— Он в прошлый раз съел цветок на нашей свадьбе.

— Это была гвоздика. И её никто не ценил.

Поезд подали минут за сорок. Он выехал из тумана медленно, торжественно, как корабль, и остановился у платформы с тихим вздохом тормозов. Я подняла глаза.

Это было что-то из другой эпохи. Паровоз давно заменили электровозом, но вагоны сохранились: вытянутые, тёмно-синие, с золотыми буквами по борту «СЕВЕРНАЯ СТРЕЛА», с полированными латунными поручнями и окнами в красных деревянных рамах. На каждом вагоне крупно выведен номер. Седьмой вагон оказался предпоследним.

— Красиво, — сказал Андрей.

— Как в кино.

— Только бы не в таком, где всех убивают.

— Андрей.

— Молчу.

У двери седьмого вагона нас ждала проводница, плотная женщина лет пятидесяти пяти в тёмно-синем форменном пальто с золотыми пуговицами и в шапке-ушанке, из-под которой выбивались седые пряди. На груди у неё висел бейдж: «Галина Степановна».

— Платонова-Громова? — Она сверилась со списком. — Купе три. Проходите. Чемоданы я отнесу. Только кошку вашу придётся придержать, у нас строго.

— Кот, — сказала я.

— Кот тоже придержать. Но Олег Иванович разрешил. Вы же от Дымовой?

— От Дымовой.

— Ну, значит, свои.

Она подхватила чемоданы, будто они ничего не весили, и повела нас внутрь.

В вагоне пахло воском, кожей и чуть-чуть лавандой. Узкий коридор был устлан бордовой дорожкой, на стенах между окнами висели медные светильники в виде тюльпанов, а дверь каждого купе украшала табличка с номером и маленьким гербом с птицей. Из приоткрытой двери доносился негромкий смех, из другой тянуло табачным дымом, хотя курить в вагоне, как сообщала табличка, строго воспрещалось.

— Ваше, — сказала Галина Степановна, остановившись у третьей двери.

Купе оказалось маленьким, но уютным до невозможности. Два диванчика, обитые тёмно-зелёным плюшем, красного дерева столик под окном с настоящей скатертью, латунные подстаканники, зеркало в раме с птицами, бархатные шторы цвета спелой вишни. У стены висела полка с книгами, у окна стояла маленькая настольная лампа с абажуром. Я поставила переноску на диван, Эклер выбрался, обошёл купе, обнюхал каждый угол, и устроился на подоконнике, одобрительно поглядывая на хозяйство.

— Он доволен, — сказал Андрей.

— Он осматривает пути отхода.

— Я бы тоже осмотрел.

Он опустился на диван, достал из кармана платок и протёр лоб. Я села напротив.

— Андрей. Ты нервничаешь.

— Нет.

— Нервничаешь.

— Я просто привык, что когда мы куда-то приезжаем, нас там уже ждут.

— Кто?

— Те, кто умирает.

Я рассмеялась. Потом перестала.

— Мы сюда не работать приехали.

— Знаю.

— Мы отдыхаем. Две недели.

— Знаю.

— Мы будем смотреть на снег, пить чай, читать книги и спать. Много спать.

— Знаю. — Он взял меня за руку. — Нина. Я хочу, чтобы ты запомнила: если что-нибудь случится, я не позволю себя отвлечь. Я буду мужем, а не капитаном. Я хочу провести этот отпуск с тобой.

— Договорились.

— И с котом.

— И с котом.

В дверь постучали. Андрей открыл. На пороге стоял молодой человек лет тридцати пяти, в безупречном сером костюме с жилетом, с аккуратной бородкой и очень внимательными карими глазами. На нагрудном кармане у него сверкал значок: «Администратор. Олег Рудаков».

— Прошу прощения, что беспокою. — Он сдержанно поклонился. — Я отвечаю за организацию рейса. Хотел лично поприветствовать вас. Маргарита Викторовна просила передать, что вы дорогие гости.

— Благодарим, — сказал Андрей.

— Поезд отправляется через пятнадцать минут. Ужин в вагоне-ресторане в восемь вечера. Сегодня особенная программа: вечер находки. В половине десятого состоится презентация. Вас, Нина Сергеевна, мне особенно хотелось бы пригласить. Ваша профессия, должно быть, пригодится.

— Моя профессия?

— Корректор. Мне сказали. — Он улыбнулся. — На презентации будет представлено письмо. Подлинное, редчайшее. Оригинал. Нам хотелось бы, чтобы специалист…

— Я не специалист по письмам.

— Тем лучше. Свежий взгляд.

— Благодарю, Олег Иванович. Мы придём.

Он снова поклонился и вышел. Андрей закрыл дверь.

— Что скажешь?

— Он очень вежливый.

— Для администратора поезда.

— И очень хорошо знает, кто я.

— Маргарита Викторовна сообщила.

— Да. — Я подошла к окну. — Только она не говорила, что скажет ему про корректора.

За окном проплывали огни вокзала. Поезд тронулся мягко, почти незаметно, как большой кот, который не хочет будить хозяина. Перрон поплыл назад, люди на нём превратились в маленькие тёмные фигурки, потом исчезли.

Эклер вдруг повернулся от окна и уставился на дверь. Хвост его дёрнулся.

— Что?

— Ничего. — Я прислушалась. В коридоре кто-то прошёл медленно, осторожно, будто нёс что-то тяжёлое. Потом шаги замерли у нашей двери. Постояли секунду. Потом пошли дальше.

— Нина.

— Знаю.

— Это проводница.

— Возможно.

— Нина, мы договорились.

— Договорились. — Я села. — Просто… Эклер не любит, когда у двери стоят.

Андрей вздохнул, достал из чемодана книгу и растянулся на диване.

— Две недели, — повторил он.

— Две недели, — согласилась я и посмотрела на красную карточку, лежавшую на столе.

Глава 2. Двенадцать пассажиров

В вагоне-ресторане «Северной стрелы» не было ничего, что можно было бы назвать современным. Узкий зал на сорок мест тянулся от тамбура до кухни, как коридор в старинном особняке. На столах стояли белые скатерти, тяжёлые серебряные приборы, фарфоровые тарелки с золотым ободком и маленькие лампы под абажурами цвета шампанского. По стенам висели чёрно-белые фотографии писателей: Чехов, Горький, Бунин, Ахматова, Булгаков. Над баром красовался плакат: «Слово — это поезд, который никогда не опаздывает».

— Хорошая фраза, — сказал Андрей.

— Плохая, — ответила я. — Поезда опаздывают.

— А слова?

— Тоже.

Нас посадили за столик у окна. Эклер, которого я оставила в купе под присмотром Галины Степановны, наверняка лежал на подушке с видом оскорблённого императора. Я взяла меню, оправленное в кожаную папку, и увидела, как у меня сама собой потянулась рука в карман за красным карандашом.

— Нина, — прошептал Андрей.

— Я ничего не делаю.

— Ты уже вынула карандаш.

— Он сам выскочил.

— «Консоме с профитролями». Что там не так?

— Ничего. — Я ткнула кончиком в строку ниже. — Вот. «Котлета по-киевски». Через «е»: «киевски». Правильно «по-киевски». Дефис нужен. А здесь написано слитно.

— Слитно — это ошибка?

— Это не ошибка, это преступление.

Я аккуратно подчеркнула слово и, не удержавшись, поставила на полях корректорский значок. Из-за соседнего столика донёсся негромкий смех.

— Простите, — сказал мужской голос, глубокий, бархатный, с лёгкой хрипотцой. — Не мог не заметить. Вы корректор?

Я обернулась. За столиком в пяти шагах от нас сидел мужчина лет семидесяти, крупный, красивый, с гривой седых волос и густыми бровями. На нём был тёмно-синий бархатный пиджак с шёлковым платком в нагрудном кармане, а в руке он держал бокал с минеральной водой, как держат бокал шампанского на светском приёме.

— Нина Платонова, — сказала я. — Корректор. И немного невеста. То есть жена.

— Профессор Аркадий Леонтьевич Вяземский. — Он поклонился, не вставая. — Филолог. Лексикограф. Автор «Нового словаря русского языка». Возможно, вы обо мне слышали.

— Конечно, — сказала я, потому что слышал о нём каждый, кто хоть раз открывал словарь. Вяземский составлял один из самых толстых академических словарей, вызывал бурные споры среди лингвистов и, по слухам, считал самого себя последним хранителем чистоты русской речи.

— Какая приятная встреча. — Он улыбнулся. — Коллега по цеху. Вы читаете меню красным карандашом. Я так и делаю. Вечно исправляю вывески. Моя жена утверждает, что со мной нельзя выйти на улицу.

— Она права, — сказала молодая женщина, сидевшая рядом с ним.

Ей было лет тридцать, она была тонкая, светловолосая, с красивым, но усталым лицом, в изумрудном платье с открытыми плечами. Алиса Вяземская, как выяснилось позже, была третьей женой профессора и на сорок лет моложе него. Она смотрела куда-то мимо нас, в тёмное окно, и в глазах у неё стояла тихая скука человека, который давно привык к чужим разговорам.

— Алиса. — Вяземский слегка коснулся её руки. — Не будь недружелюбной.

— Я дружелюбна.

— Ты зеваешь.

— Это дорога.

— Дорога только началась.

Андрей кашлянул.

— Андрей Громов, — сказал он, чуть привстав. — Муж Нины.

— Очень приятно.

В зал вошла Галина Степановна с подносом и начала разносить воду. За ней показались ещё пассажиры. Я старалась запомнить каждого и одновременно делать вид, что не запоминаю.

Первой появилась женщина лет пятидесяти в чёрном бархатном костюме и с огромным рубиновым кольцом на указательном пальце. Лицо у неё было ярко накрашенное, властное, а голос, когда она заговорила, оказался звучным и чуть насмешливым.

— Вяземский, ты опять собрал публику? Я думала, ты на этот рейс только письмо привёз. А ты и аудиторию захватил.

— Эвелина. — Профессор не повернул головы. — Какая неожиданность.

— Неожиданность? Меня пригласили. В отличие от тебя, я приехала не показывать, а читать.

— Читать?

— Мою новую книгу. «Тайна красной маски». Седьмая за год.

— Все одинаковые.

— Зато продаются. — Она села за соседний столик, величественно, как королева, и бросила на нас быстрый оценивающий взгляд. — Эвелина Март. Детектив. Это не должность, а диагноз.

— Нина Платонова.

— Вы тоже?

— Я корректор.

— Ах, — сказала Эвелина Март. — Хуже.

Через пять минут за ней в зал вошёл высокий худой молодой человек с портфелем, в очках, с растрёпанными тёмными волосами, и, мельком кивнув нам, занял место рядом с писательницей. Никита, её секретарь. Он выглядел встревоженным и всё время поглядывал на дверь.

Потом появился седой подтянутый мужчина лет семидесяти, прямой как струна, в тёмном костюме с орденской планкой. Рядом с ним, держась за его руку, шла девочка лет двенадцати, в вязаной шапке с помпоном и очках, которые ей были велики. Она с таким любопытством оглядывала зал, что я невольно улыбнулась.

— Полковник Корнилов, — представился мужчина без лишних слов. — В отставке. Это моя внучка Соня.

— Здрасьте, — сказала Соня. — А это правда, что в поезде есть привидение?

— Нет, — сказал полковник.

— Есть, — сказала Эвелина Март.

— Эвелина Борисовна!

— Я просто делюсь профессиональными знаниями, Корнилов. Каждый старинный поезд должен иметь привидение. Иначе это не поезд, а троллейбус.

Соня зажмурилась от восторга. Полковник поджал губы.

За ними вошёл полный, румяный, лоснящийся мужчина лет сорока пяти в дорогом костюме и с массивной золотой цепочкой. Он улыбался всем сразу и никому в частности.

— Руслан Дзюба! — объявил он, раскланиваясь. — Ресторатор. Люблю хорошую еду, хорошие книги и хорошие инвестиции. Господа, я сегодня угощаю шампанским! Там, в баре, три бутылки, не стесняйтесь!

— Он купил письмо, — тихо сказал Андрей. — Мне Рудаков сказал в коридоре. Дзюба заплатил три миллиона за право владеть. Хочет повесить в своём ресторане.

— Письмо чьё?

— Не сказал. Сказал: «Сегодня узнаете».

В дверях появилась женщина лет сорока, в строгом тёмном свитере и с копной тёмных волос. Лицо спокойное, умное, усталое. Она оглядела зал, кивнула нам и села у стойки.

— Ирина Воробьёва, — сказала она, когда Андрей подошёл. — Врач. Анестезиолог. Еду отдохнуть.

— От чего?

— От людей. — Она улыбнулась. — Но, видимо, не получится.

Последними вошли двое. Первый, аккуратный, чуть полноватый, лет шестидесяти, с лысой, блестящей головой, бородкой клинышком и очками в золотой оправе. На нём был строгий серый костюм с галстуком-бабочкой, а в руках он нёс тонкую кожаную папку. Второй, высокий, смуглый, лет тридцати пяти, в чёрной водолазке и с блестящими, ловкими пальцами, которые, казалось, ни на секунду не могли оставаться неподвижными. Он перекладывал монетку с одного пальца на другой, незаметно, как дышат.

— Модест Павлович Лиходеев, — представился первый, слегка наклонив голову. — Антиквар. И один из организаторов. Если у вас возникнут вопросы, обращайтесь без стеснения.

— Гарри, — сказал второй с короткой усмешкой. — Иллюзионист. Гарри Бельский на сцене. А вообще Гриша. Я сегодня вечером развлекаю публику. Приходите. Не бойтесь, я не исчезаю в самых неудобных местах.

— Вы будете показывать фокусы? — спросила Соня.

— Только честные.

— А такие бывают?

— Как правило, нет, — признался он.

Мы все разместились за столиками. Рудаков, стоявший у бара, оглядел зал и коротко кивнул. Это был тот самый момент, когда люди, сидящие в одном вагоне и знающие, что им предстоит провести вместе ещё двое суток, начинают приглядываться и взвешивать. Я посмотрела на каждого по очереди: на сухого Корнилова, на усталую Ирину, на потного Дзюбу, на тонкого Никиту, на улыбающегося Гарри. Двенадцать человек. Не считая проводницы, администратора и повара.

— Двенадцать, — повторила я тихо.

— Что?

— Двенадцать. На билете было написано: «Пассажиров: двенадцать».

— Ну да.

— А свободных мест: ноль.

Андрей промолчал. Потом осторожно спросил:

— Нина, ты кого-нибудь подозреваешь?

— Пока никого.

— А письмо?

— Письмо ещё не видела.

— Ну тогда пока ужинаем.

Нам принесли суп. Консоме оказалось превосходным, профитроли воздушными, а котлета по-киевски, написанная в меню с ошибкой, подавалась со всей возможной торжественностью. Вяземский рассказывал анекдоты про академиков, Эвелина Март ехидно их поправляла, Дзюба смеялся громче всех, Соня таскала со стола хлебные корочки для воображаемого привидения. В какой-то момент я заметила, что Лиходеев, сидевший наискосок, внимательно смотрит на меня поверх очков. Когда наши взгляды встретились, он улыбнулся и слегка приподнял бокал.

Я улыбнулась в ответ.

На столе рядом с моей тарелкой лежал буклет «Правила „Северной стрелы“», тиснёный золотом, напечатанный крупным шрифтом. Я машинально раскрыла его на середине. «Пункт седьмой. Ночной режим. В период с 00:00 до 06:00 пассажирам рекомендуется не покидать купе, чтобы не нарушать покой остальных».

— Нина, — шепнул Андрей. — Опять?

— Что?

— Ты читаешь правила.

— Я их проверяю.

— И что?

— Всё правильно.

Я закрыла буклет.

Глава 3. Вечер находки

В половине десятого официанты убрали со столов тарелки, сдвинули стулья, расставили вдоль стен лампы и принесли длинный стол, накрытый тёмно-зелёным сукном. На нём под стеклянным колпаком лежал единственный предмет: пожелтевший лист бумаги, исписанный

выцветшими чернилами. У стола стоял Модест Павлович Лиходеев, заложив руки за спину, как церемониймейстер.

— Дамы и господа, — начал он негромко. Голос его оказался приятным, ровным и очень убедительным. — Благодарю, что вы нашли время. Сегодня у нас особенный вечер. Многие из вас знают: я занимаюсь поиском старинных рукописей уже тридцать лет. За это время мне доводилось держать в руках письма Тургенева, записные книжки Некрасова и даже страницу из дневника Толстого. Но ни разу, ни единого раза, я не чувствовал того, что чувствую сегодня.

Он замолчал, сделал паузу и чуть заметно улыбнулся.

— Перед вами, — сказал он, — неизвестное письмо Александра Сергеевича Пушкина. Датированное ноябрём тысяча восемьсот тридцать четвёртого года. Адресовано Наталье Николаевне, жене поэта. Обнаружено в частном архиве, в семье потомков одного из его петербургских знакомых.

По залу пронёсся тихий вздох. Эвелина Март выпрямилась, Дзюба расплылся в довольной улыбке, Вяземский прикрыл глаза и откинулся на спинку стула с видом человека, смакующего хорошее вино.

— Позвольте, — продолжил Лиходеев, — зачитать текст.

Он снял колпак, осторожно взял письмо за края и, надев белые перчатки, поднёс к свету лампы. Потом негромко, с выражением, стал читать.

«Милая моя Наталья. Пишу тебе поздно, в тишине, когда весь дом спит, и только свеча да перо хранят мне компанию. Сегодня вспомнил, как мы гуляли по Летнему саду три года назад. Ты была в голубом, и солнце играло в твоих волосах. Не знаю, что бы я делал без тебя. Весь мир против меня, но твоя улыбка — мой щит…»

Я слушала внимательно, не отрывая глаз от пожелтевшего листа. Лиходеев читал хорошо: плавно, с лёгкой хрипотцой, точно сам был свидетелем. В зале стояла тишина. Соня, сидевшая на коленях у деда, таращила глаза. Дзюба то и дело вытирал платком лоб. Алиса, на лице которой всё это время не было ничего, кроме скуки, впервые чуть приоткрыла рот.

Что-то меня зацепило.

Я не могла понять, что именно. Лиходеев читал дальше, перечисляя нежные и грустные слова, а я сидела, крепко сжав в кармане красный карандаш, и смутно, как бывает, когда в тексте спрятана ошибка, чувствовала, что вот-вот поймаю. Строка проплыла и ушла, Лиходеев перешёл к следующей, а ощущение осталось, тихое, как зуб, который ещё не болит, но уже знает, что заболит.

— Это потрясающе, — прошептал Дзюба. — Три миллиона. Я не жалею.

— Подождите, — сказала Эвелина Март. — Дайте дослушать.

Лиходеев закончил чтение и опустил письмо на сукно.

— Благодарю вас. Я знаю, что у вас есть вопросы. Прошу. Профессор Вяземский любезно согласился подтвердить подлинность. Аркадий Леонтьевич?

Профессор медленно поднялся. Он расправил плечи, поправил платок, сделал два шага к столу и склонился над письмом. Долго, молча, не касаясь, смотрел на него, как смотрят на портрет умершего друга.

— Почерк… — наконец произнёс он, и голос у него дрогнул. — Почерк тот. Я видел сотни автографов. Это он. Бумага… бумага соответствует. Чернила…

— Железо-галловые, — подсказал Лиходеев.

— Железо-галловые. Да. Я полагаю, что можно говорить… — Он вдруг замолчал. Рука его, лежавшая на краю стола, чуть заметно вздрогнула. Он провёл пальцем по воздуху над строкой и медленно выпрямился.

— Аркадий Леонтьевич? — тихо спросил Лиходеев.

— Простите. — Вяземский повернулся к нам. На лице его, красивом, барственном, на секунду мелькнуло что-то странное, жёсткое, как тень от облака, и тут же исчезло. — Я устал.

Давайте продолжим утром. Я хочу рассмотреть детально, при дневном свете. Сегодня достаточно сказать, что… предварительно… — Он улыбнулся, но улыбка вышла кривой. — Предварительно всё в порядке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.